

В какой-нибудь не очень большой европейской стране автор подобного уровня давно стал бы гордостью национальной словесности. Однако в России такие негромкие, интеллигентные писатели, каким был Станислав Тимофеевич Романовский (1931–1996), оказались сегодня не только забытыми, но непрочитанными и недооценёнными.

В семидесятые годы прошлого века, когда Романовский пришёл в литературу, одновременно с ним работали Трифонов и Айтматов, Астафьев и Распутин, Евтушенко и Вознесенский, Шукшин и Нагибин и многие-многие другие. Это было время бурного культурного расцвета. Стоит ли удивляться, что через несколько десятилетий после той эпохи, которую часть современных исследователей уже называют Серебряным

веком советской литературы, скромный голос Романовского затерялся среди его современников? Тем более что даже из числа знаменитых и великих, кто публиковался в те годы, многих мы уже не вспоминаем, а из тех, кого помним по именам, мало кого перечитываем.

По рождению, по тематике большей части своих произведений Романовский был писателем елабужским, но по масштабу своего дарования и богатству языка выходил далеко за рамки областной словесности, просто не вмещался в них. Он создал очень человечный, обжитой, уютный художественный мир, основными частями которого стали провинциальный городок Елабуга и река Кама, её приток Тойма и маленькие речки Танайка и Каринка, Танаевский лес и Большой бор, луга и озёра в междуречье Камы и Тоймы, заливные камские поймы, лесные родники, луговые протоки и старицы, а ещё реки Вятка и Вишера с их лесами, сёлами, кордонами и живущими там людьми. Вот об этой родной для него земле и рассказывают его книги «с самого близкого расстояния».

Он говорил с читателями на своём, никогда до него не звучавшем в большой литературе, поэтичном и нежном южно-вятском языке, на «быстром и певучем» говоре, усвоенном им в детстве в закамских селениях Прёсти и Соболекове, почерпнутом из крестьянской речи в окрестных сёлах Танайке и Лекареве, Костенееве и Мальцеве, Тихонове и Поспелове, оседавшем в памяти из разговоров, услышанных на «затравивших улицах» родной, полудеревенской Елабуги, — на языке, сохранённом и записанном им в незамутнённой чистоте.

«В школе на день рождения мне подарили общую тетрадь в коричневом переплёте, — рассказывал он в повести „Башня над Камой“. — Я её полюбил и хорошим почерком стал записывать в тетрадь всё интересное, что встречалось в моей жизни.

А интересное попадалось повсюду. В окрестных деревнях у нас жило много родни, и больше всего я любил записывать деревенский разговор — быстрый и певучий одновременно. Будто я собираю в тетрадь не слова, а окатные нарядные камушки — ледни, что встречаются по берегам Камы и играют разными цветами».¹

То, что Романовский принадлежал к числу классиков советской литературы, было признано ещё при его жизни. В 1980 году его рассказ «Стихотворение» наряду с произведениями Чингиза Айтматова, Виктора Драгунского, Юрия Коваля, Николая Носова, Владимира Сухомлиного вошёл в антологию для дошкольников «Подснежники».

В 1982 году «Сухая грива», свободная вариация на тему «Дедушки Мазая» Некрасова, разместилась на равных с «Бежиным лугом» Ивана Тургенева, «Кавказским пленником» Льва Толстого, «Каштанкой» Антона Чехова, «Петькой на даче» Леонида Андреева, «Белым пуделем» Александра Куприна, «Конём с розовой гривой» Виктора Астафьева, «Зимним дубом» Юрия Нагибина в сборнике «Подарок. Рассказы о детях», адресованном воспитанникам детских домов.

В 1987 году «Лукошко» и «На танцах» включили в хрестоматию для первоклассников «Как хорошо уметь читать!», где под одной с ними обложкой расположились известные рассказы Зои Воскресенской, Аркадия Гайдара, Бориса Житкова, Сергея Баруздина, Валентины Осевой, Леонида Пантелеева, Евгения Пермяка, Василия Белова, Андрея Платонова.

В 1989 году в издательстве «Детская литература» в серии «Золотая библиотека. Избранные произведения для детей и юношества» вышла одна из лучших его книг — сборник повестей и рассказов «Синяя молния». Соседями его по этой популярной библиотеке были Рувим Фраерман, Аркадий Гайдар, Валентин Катаев, Александр Фадеев, Лев Кассиль, Борис Полевой, Николай Островский, Борис Житков, Владимир Беляев, Николай Носов, Михаил Пришвин, Дмитрий Фурманов, Анатолий Рыбаков, Евгений Пермяк, Гавриил Троепольский, Леонид Пантелеев, Виктор Астафьев, Владислав Крапивин, Юрий Нагибин, Сергей Алексеев. Что и говорить, в этой серии книг в красных переплётках, выходявших с 1957 по 1992 годы, издавалась бесспорная классика советской детской и юношеской литературы.

Не обошла вниманием его прозу и литературная критика. Понятно, что произведения Романовского, выходявшие преимущественно в детских журналах и издательствах, не становились предметом бурных дискуссий на страницах толстых журналов или литературных еженедельников, но ещё при жизни автора они были внимательно прочитаны и проанализированы профессиональным критиком и литературоведом, специалистом по детской литературе Надеждой Павловой, которая включила очерк о творчестве Романовского в книгу «Четверо в пути» (1984), посвящённую детским писателям его поколения.

1 Романовский С.Т. Башня над Камой. М.: Детская литература, 1982. С. 54.

В поздней советской литературе Романовский был фигурой далеко непростой, неоднозначной, во многом противоречивой и крайне сложной для понимания. Только на поверхностный взгляд может показаться, что его проза исчерпывается немудрёными рассказами и повестями для детей, созданными преимущественно на местной, любимой им прикамской тематике и на впечатлениях елабужского детства и отрочества. На деле Романовский был пусть и негромким, не производившим литературного шума, но вполне успешным писателем и для взрослой аудитории.

Его дебют в большой русской литературе состоялся в 1971 году и начался, как редко с кем случалось, с выхода сразу двух книг: детской — «Гусиный остров», выпущенной издательством «Детская литература», и взрослой — «Поздняя ягода-ежевика», вышедшей в «Молодой гвардии». Эта ориентация на две разновозрастные читательские аудитории сохранилась у него и в дальнейшем: до последних дней жизни он плодотворно сотрудничал с детскими и подростковыми журналами, издавал книги в «Детской литературе» и параллельно публиковался во взрослой газетной и журнальной периодике, выпускал сборники рассказов и повестей для зрелого читателя.

Среди последних были книги, изданные в «Молодой гвардии»: уже названная «Поздняя ягода-ежевика», выдержавшая два издания (1971, 1972), и «Вятские — люди хватские» (1974); затем последовали два сборника в «Современнике»: «Откровение» (1979) и «Круг жизни» (1983); а в промежутке между ними вышла «Повесть об Андрее Рублёве» (1982) в «Советском писателе». В то же время, с 1971 по 1991 годы, «Детская литература» и «Малыш» опубликовали двадцать три детских книги писателя, четырнадцать из которых были объёмными изданиями в твёрдых переплётах: «Гусиный остров» (1971), «Медведь и бабочка» (1974), «Пушка из красной меди» (1976), «Охотничий рог» (1979), «Синяя молния» (1980), «Двое в седле» (1981), «Башня над Камой» (1982), «Вятское кружево» (1983), «Семейный экипаж» (1984, 1988), «Сон лисы» (1986), «Мама уехала за озеро» (1987), «Синяя молния» (1989; «Золотая библиотека»), «Родина» (1990), «Молчаливое озеро» (1991).

В своей прозе, как взрослой, так и детской, он умел показать мир глазами ребёнка и подростка, с первозданной чистотой удивлённого человеческого взгляда. Более того, в большом цикле рассказов про Алёшу Веригина, сына лесника, ему удалось очень трудная, если не сказать — почти невероятная для русской литературы вещь: он смог передать в них «спокойную радость жизни». А этой радости в русской литературе, начиная с «Жития протопопа Аввакума» и вплоть до романов нашего современника Алексея Иванова, всегда было мало.

Отечественная словесность обычно с большим успехом описывала семейные драмы, трагическую или несостоявшуюся любовь, трудное или несчастное детство, а ушедший XX век с избытком давал поводы для того, чтобы говорить о безысходности и абсурде человеческой жизни — о войнах, голоде, сиротстве, концлагерях, издевательствах человека над человеком. Да и советская детская литература, откровенно говоря, была в немалой степени невротической, милитаризованной, достаточно вспомнить «Детство» М. Горького, «Школу» и «Судьбу барабанщика» А. Гайдара, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Педагогическую поэму» А. Макаренко, «Молодую гвардию» А. Фадеева или произведения авторов близких по времени к Романовскому — «Уроки французского» и «Мама куда-то ушла» В. Распутина, «Кража», «Далёкая и близкая сказка», «Мальчик в белой рубашке» В. Астафьева и многие другие.

Но именно на этом фоне становится понятным, что Романовский сделал почти невозможное — он едва ли не единственный писатель в советской литературе, кому удалось убедительно, без сентиментальной слащавости показать нормальную семью и детство, обычное, даже какое-то обыденное человеческое счастье, хотя те же травмы

репрессий, безотцовщины, голода, отрочества военной поры были хорошо знакомы ему по собственной судьбе и описаны во многих рассказах порой с не меньшей силой, чем у того же Распутина или Астафьева.

Эту характерную и крайне редкую для большой русской литературы черту его творчества отметила Надежда Павлова: «...главная тема прозы Романовского, — писала она, — над всем стоящая и всё охватывающая, — это тема счастья». «...Романовский и его герои как бы держат экзамен на умение радоваться красоте жизни, слышать мудрый голос Природы. Для них счастье — не ликование праздника, но тишина. Не то чтобы немота, а взаимное понимание, не нуждающееся во внешнем выражении... Спокойная радость жизни... Если Романовский хочет передать ощущение счастья, то всегда окружает его словами „спокойный“, „светлый“, „простой“, „бесхитростный“ и обязательно „тихий“...»; «...счастье здесь, рядом, на просторах тихой родины, под небом, где ты родился».¹

Впрочем, не стоит думать, что Романовский сочинял одни только безмятежные буколики и эклоги. Сын российского XX века, он в своей прозе в полной мере отдал дань человеческим драмам и трагедиям, боли и смерти, голоду и болезням, войнам и палачам. Но как раз в этом он и не был одинок. А вот можно ли поставить что-либо рядом с его рассказами-пасторальями из циклов «Молчаливое озеро», «Алёшино лукошко», «Мои встречи», которые светятся любовью ко всему живому, сияют и лучатся радостью жизни, — этого так сразу не вспомнишь и не скажешь.

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ

Романовский родился в Елабуге 19 сентября 1931 года. В 1949 он окончил елабужскую среднюю школу имени Ленина и поступил в Казанский университет на отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета. В 1954 году по окончании университета вернулся в Елабугу и преподавал в библиотечном техникуме. В 1957 вслед за женой, уехавшей к матери, перебрался в Ульяновск, где работал в одном из райкомов комсомола, потом заведовал отделом пропаганды в газете «Ульяновский комсомолец», был ответственным секретарём издания, а вскоре стал и его редактором. В 1964 году по решению ЦК ВЛКСМ Романовского перевели в Москву на работу ответственным секретарём в журнале «Сельская молодёжь», где он трудился и публиковался многие годы. В возрасте 64 лет, 3 мая 1996 года, писатель, давно страдавший сердечным заболеванием, скоропостижно скончался.

Это была обычная трудовая биография, без особых взлётов и падений, без неожиданных поворотов сюжета, жизнь человека, который делал своё дело — писал. А внутреннюю, сложную и противоречивую историю его души, неустанно взыскующей правды, гармонии и света, наделённой сердечным слухом и способностью видеть и распознавать в мире явления Божии, одарённой умением рассказывать об этих откровениях простыми человеческими словами, мы можем найти в его книгах.

По своему рождению он принадлежал к поколению шестидесятников. Правда, здесь необходимо различать — было поколение шестидесятников и был культурный феномен шестидесятничества. И они совпадали лишь отчасти: далеко не все представители культурного шестидесятничества принадлежали к этому поколению, и далеко не все активные представители поколения были участниками литературного, кинематографического, песенного шестидесятничества.

1 Павлова Н.И. Четверо в пути. М.: Детская литература, 1984. С. 66–67.

Как и большая часть его сверстников, встретивших войну подростками, Романовский не погиб на полях сражений. На его долю выпали мирные тридцатые, омрачённые ранней гибелью репрессированного отца, трудные военные и голодные послевоенные годы, две оттепели, закончившиеся крушением надежд, долгие, застойные и блестящие в культурном отношении семидесятые, перестройка и развал Советского Союза — крах страны, в которой он жил и которой служил всем своим сердцем. В девяностые в атмосфере воцарившейся пошлости, криминала и наживы, он, идеалист, веривший в будущее своей родины, задохнулся.

В 1953 году, в начале первой оттепели, в «Новом мире» вышла статья В. М. Померанцева «Об искренности в литературе». Она вызвала бурные публичные дискуссии и стала одним из ключевых текстов для этого поколения, оказав на него большое влияние. Сейчас может показаться странным, но тогда, в первой половине пятидесятых годов, простая мысль о том, что литература может и должна быть искренней, стала настоящим откровением. И многие из шестидесятников пошли в этом направлении — искренности в литературе. Не потому, конечно, что Померанцев указал им путь, а потому, что сказанное отвечало внутреннему запросу этих людей «жить не по лжи».

Как показало будущее, мысли, высказанные Померанцевым, оказались созвучными душевному и профессиональным поискам Романовского. Очевидно, что новоязычная статья, а ещё в большей степени её публичное обсуждение сильно повлияли на будущего писателя — одной из наиболее значимых особенностей его зрелой прозы стала искренность.

Известный татарский писатель Рафаэль Мустафин, сосед Романовского по комнате в университетском общежитии, вспоминал: «После публикации в журнале „Новый мир“ статьи В. Померанцева „Об искренности в литературе“ мы устроили знаменитый диспут, наделавший много шума и вызвавший широкий резонанс в городе».¹

Мы — это одноклассники с историко-филологического факультета Казанского университета: Рафаэль Мустафин, писатель, исследователь жизни и творчества Мусы Джалиля; Станислав Романовский, журналист и писатель; Игорь Золотусский, писатель, литературовед, исследователь жизни и творчества Гоголя; Татьяна Поликарпова, детская писательница; Борис Дедюхин, прозаик; Геннадий Хлебников, чувашский критик и литературовед; Галина Куликова, будущая жена Романовского, преподаватель Московского государственного педагогического института, близкая к кругу работавшего там философа А. Ф. Лосева; их товарищи по университету, — словом, как на подбор, всё типичные молодые шестидесятники.

Один из ярких представителей литературного шестидесятничества Лев Аннинский назвал ещё одну черту поколения, которая в случае Романовского важна нам не только для понимания его произведений, но и внутреннего мира. «Мы, дети 30-х годов, — утверждал он, — отсчитывали от „утраченного рая“: от „до войны“, от счастливой жизни, отсечённой от нас июнем 1941 года».²

Вот про этот «утраченный рай» довоенных улочек Елабуги, окрестных рек, лесов, лугов, озёр, про сияющую землю своего детства и отрочества, от которой «глаз не отвести», писал Станислав Романовский в лучших своих повестях и рассказах, в этих идиллиях, пасторалях, буколичках, эклогах и гимнах в прозе. И была за страницами его книг, за текстами этих стихотворений и поэм в прозе какая-то мерцающая правда о подлинном рае, который не просто возможен, а всегда рядом с нами, — та правда, которая заставляет вновь и вновь возвращаться к его рассказам тех, кто читал его книги.

1 Мустафин Р.А. Романовский. О друге студенческих лет. Компьютерная машинопись. [2007]. С. 3.

2 Аннинский Л.А. Красный век. Эпоха и её поэты. Кн. 3. М.: Художественная литература, 2012. С. 30.

Как отмечал сын писателя: «основа всего у отца — Елабуга»¹. Этому районному городку он был обязан началом своей жизни, истоками творчества, судьбой. Елабуга сформировала его душу, определила взгляд на мир, наделила неповторимым языком и певучей речью, одарила умением видеть и слышать то, что другим не даётся заметить — наградила сердечным зрением и слухом, научила любить людей и мир Божий, видеть и постигать их не умом, а сердцем. И вот этот елабужский строй его души проявлял себя во всех его текстах, независимо от того, шла ли в них речь о его родине или нет — Елабуга была его способом видеть этот мир и навсегда осталась для него непотерянным раем.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА РОМАНОВСКОГО

При всей очевидной принадлежности к поколению шестидесятников Романовский был очень далёк от литературного шестидесятиничества — он не только не разделял творческих взглядов и устремлений этой плеяды поэтов и прозаиков, но и, судя по дневниковым записям восьмидесятых годов, многих из них просто не любил.

По своим художественным и мировоззренческим позициям, которые отчётливо проявились в его прозе, — с опорой на русскую классику в литературе, с ориентацией отчасти на крестьянский (дед с бабушкой), отчасти на интеллигентский (мать — учительница) традиционализм в жизненных оценках и поведении, с потаённой, ещё в детстве воспринятой тягой к православию, — он был в большей степени близок к писателям-деревенщикам, которые сформировались как литературное направление в первой половине шестидесятых годов.

Деревенщики были представлены в советском культурном пространстве людьми разных поколений. Многие из них, подобно Фёдору Абрамову, Виктору Астафьеву, Евгению Носову, прошли войну, но немало было и тех, кто, как и Романовский, принадлежали к младшей генерации, к тем, кто не попали на фронт — Юрий Казаков, Василий Шукшин, Валентин Распутин, Владимир Крупин.

Они были очень значительным явлением в советской литературе, особенно в шестидесятые и семидесятые годы прошлого века, в эпоху, на которую пришёлся расцвет этого явления. Именно тогда были опубликованы такие шедевры деревенской прозы, как «Матрёнин двор» Александра Солженицына, «Деревянные кони» Фёдора Абрамова, «Увятские шлемоносцы» Евгения Носова, «Царь-рыба» и «Последний поклон» Виктора Астафьева, «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина, «Привычное дело» и «Плотницкие рассказы» Василия Белова.

Первоначально названия «деревенщики» и «деревенская проза» появились как презрительные клички, но со временем, как это нередко случается, они стали устойчивыми обозначениями. В современных исследованиях к ним добавились новые определения — традиционалисты, неопочвенники, правые консерваторы, которые в чём-то дополняют и уточняют старую терминологию, но, как и прежние названия, не исчерпывают до конца этого обширного и сложного явления поздней советской культуры, даже не очерчивают его границ.

Честно говоря, самая суть этого литературного направления лучше всего была выражена в изначальном прозвище — «деревенщики». Они ведь и на самом деле писали о деревне, о сельском мире, о крестьянской жизни, о той крестьянской цивилизации, которая умирала на их глазах.

1 Романовский А. С. Предисловие // Романовский С. Т. Костёр из тальника. Елабуга, 2007. С. 4.

В самых общих чертах для писателей этого круга было характерным обращение к мотивам деревенского детства и одновременное внимание к жизни сельских стариков, постоянный интерес к близости человека и природы, к народным традициям и нравственности, настойчивые попытки сказать правду о трагедиях раскулачивания и коллективизации, поиск опоры в национальной идентичности. Естественным для них стало и обращение к религиозной тематике, к христианской праведности и стойкости, к наследию православия. Это публичное «возвращение к истокам» началось ещё с рассказа Александра Солженицына «Матрёнин двор» (1963), в финале которого он утверждал, что не только село не стоит без праведника, но и город, и «вся земля наша».

В девяностые годы многие из писателей этой школы напрямую обратились к христианству, в их числе и Романовский. В предисловии к сборнику рассказов, изданному в Елабуге, его сын писал, что отец, «предчувствуя скорый уход, махнув рукой на так называемую „художественность“ , перешёл к прямоговорению, к проповеди, на примере житий русских святых, поучавших напрямую тому, о чём в прежние времена отцу в его рассказах приходилось говорить исподволь. Русские святые стали героями его документальных произведений»¹.

То, что Романовский принадлежал к писателям-деревенщикам, очевидно всякому, кто читал его рассказы и повести. В литературной критике в середине восьмидесятых на это обратила внимание Надежда Павлова. Свой очерк о писателе она и начала с констатации этого факта:

«Писатель рассказывает о сегодняшнем селе, где одни стороны жизни смыкаются с городским, другие — сохраняют связь с извечным, сельским, деревенским. Эти другие и притягивают к себе авторское внимание, интерес, любовь.

Всё своё творчество Романовский обращает к ним, чтобы нынешний ребёнок и взрослый не утратили родных корней, не пренебрегли нравственным и духовным сокровищем, оставленным современному человеку в наследство трудовым крестьянством. И характерный для Станислава Романовского морально-психологический аспект сближает его с тем направлением, которое соединяется для нас с именами В. Астафьева, В. Белова и В. Распутина, и И. Друцэ, и Г. Матевосяна, а из поэтов — с Н. Рубцовым, А. Прасоловым, А. Решетовым, В. Казанцевым...»²

К деревенской прозе относятся многие произведения Романовского. Это сборники его «взрослых» рассказов «Поздняя ягода-ежевика» (1971), «Вятские — люди хватские» (1974), «Откровение» (1979), «Круг жизни» (1983); повести «Любовь» (1974), «Синяя молния» (1978), «Багровая Вишера» (1979), «Башня над Камой» (1981), «Вятское кружево» (1982), «Семейный экипаж» (1983) и практически весь обширный цикл рассказов про Алёшу Веригина.

Однако при всей своей близости к писателям-деревенщикам, Романовский и в эту когорту советских литераторов вписывался не до конца. Он был, скорее, из числа тех авторов, которые избегали литературной борьбы и группировок, тяготились принадлежностью к каким-либо идеологическим течениям и предпочитали «эмигрировать» в детскую литературу, — кто добровольно, а кто и вынужденно.

---

1 Романовский А. С. Предисловие // Романовский С. Т. Костёр из тальника. Елабуга, 2007. С. 4.

2 Павлова Н. И. Четверо в пути. М.: Детская литература, 1984. С. 66.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

До последних дней жизни Романовский оставался верен советским идеалам, разве что в девяностые годы сменил коммунистическую картину мира на христианскую, но для тех лет, да и для многих представителей деревенской прозы это был обычный путь.

Впрочем, для него подобная эволюция была более чем ожидаемой и естественной — христианская тематика в его произведениях начала звучать одновременно с приходом в большую литературу: рассказ про сельского священника «Всякое дыхание» (1971) был опубликован в первой книге Романовского «Поздняя ягода-ежевика». Мало того, эта ранняя и довольно дерзкая новелла, посвящённая запретной в советской литературе теме и персонажам, даже названием своим отсылала читателей к церковному богослужению, к заутрене и пению на ней трёх хвалитных псалмов. Заключительными словами последнего из них «Всякое дыхание да хвалит Господа» Романовский и назвал эту небольшую пастораль о пастухе Денисе, подпаске Генке и священнике Николае из села Яковлево.

Главным героем рассказа «Отречение» (1974) стал потерявший веру после гибели десятилетнего сына отец Артемий из Котловки, перешедший в годы Гражданской войны на сторону гонимых, а ими в этой истории оказались красные. Название рассказа о школьнице, помогавшей односельчанкам в военные годы писать письма на фронт мужьям и братьям, более чем откровенно указывало на христианский характер её служения — «Евангелие от Галины» (1971). Православному иконописцу и монаху была посвящена «Повесть об Андрее Рублёве» (1982).

В 1990 году в издательстве «Детская литература» вышла одна из лучших его книг для детей от шести до десяти лет с вызывающе простым названием «Родина». Изданная через пять лет после начала перестройки, снявшей многие прежние запреты, она была насквозь пронизана мотивами христианской Руси, начиная с обложки, украшенной храмами, и заканчивая неожиданной для советского читателя верностью Ленина народным православным традициям в завершавшей книгу «Повести о Великой Революции».

В том же 1990 году в журнале «Пионер» началась публикация христианско-просветительских очерков Романовского, посвящённых десяти библейским заповедям. Они носили не миссионерский или церковно-апологетический, а культурно-просветительский характер, о чём писатель сразу же и заявил в первом из них: «Без знания Библии нельзя понять Шекспира и Пушкина, Гёте и Толстого, Рублёва и Рафаэля, Моцарта и Рахманинова. Одним словом, без изучения Библии нельзя стать культурным человеком».¹ Такой культуртрегерский взгляд на роль христианства в человеческой жизни был нормальным для советского интеллигента, в чьих представлениях мировая культура выступала одной из важнейших жизненных ценностей.

Переход от идеологии коммунизма к проповеди православия не потребовал от Романовского каких-то особенных усилий или кардинального пересмотра той картины мира, в которой он существовал. Он и в дальнейшем оставался советским писателем и человеком — это советский мир рушился вокруг него, уходила в небытие страна, которую он любил и которой служил, но сам он оставался верен своим взглядам и своим идеалам. Именно поэтому его творческая эволюция пошла в сторону христианских ценностей, внутренне близких немалой части советской интеллигенции.

В 1992 году начал выходить детский журнал «Игрушечка», переименованный вскоре в «Новую игрушечку». В нём регулярно печатались рассказы Романовского

1 Романовский С.Т. Скрижали // Пионер. № 6, 1990. С. 64.

по истории христианства на Руси, очерки о житиях православных святых: «Повесть о Сергии Радонежском» (1992), «Касьян и Никола» (1996), «Видение отроку Варфоломею» (1996) — при жизни писателя, а затем и после его ухода — «Сад святого Тихона» (1997), «Предание о преподобном Серафиме Саровском» (1997), «Совет святого Серафима» (1997), «Иоанн Новгородский и бес» (1998). В 1997 году «Божий мир. Православный журнал для детей» опубликовал цикл очерков Романовского «Символ веры», в котором он дал доступное пояснение основного исповедания православия, звучащего на каждой литургии, когда его хором исполняют прихожане.

Кроме того, в архиве писателя осталась рукопись «Заповеди добра и света», датированная 1990 годом. Эта светлая, пронзительная, очень личная книга, написанная сердцем, лучится любовью к людям, к жизни, ко всему живому. Она принадлежит к лучшим произведениям в творческом наследии Романовского. А из сегодняшнего дня эти заповеди воспринимаются как завещание одного из наиболее «негромких и прозорливых» русских прозаиков — завещание читателям, завещание родному городу и его жителям.

Но православным писателем Романовский был не только потому, что в последние годы жизни немало усилий потратил на прямую проповедь христианства, — его творчество было пронизано религиозным мироощущением ещё с первых изданных в Москве книг. Почти неуловимо, как свет, как воздух, которые заполняют собой всё существующее, делают возможной саму жизнь, евангельское отношение к миру было разлито по всем его текстам, светилось в каждом его рассказе и повести, изливалось любовью к Божьему творению, ко всякому созданию, ко всему живому. И высказано это было сразу со всей возможной прямоотой в авторской аннотации к «Гусиному острову» (1971):

«С самолёта — выше облаков — земля видится голубой и серебряной. Всякие там подробности — люди, коровы, овражки, стога, трактора — не заметны, а видишь одно сияние. Ласковая она, земля, издали, красивая, глаз не отвести.

И всё-таки я больше люблю её вблизи, рядышком, со всем её населением. Я люблю землю, по которой скачут лягушки, шныряют коростели, да так ловко, что травинку не покачают, точатся малые реки — делают своё дело, бегут к большой воде, кормят и поят живое...»¹

Через четверть века, незадолго до смерти, он заново повторил эту же мысль в дневниковой записи от 28 марта 1996 года: «...Любовь — это открытие в себе Бога, как средоточия уверенности в жизни и в жизни радостной и смиренной, негромкой и прозорливой, когда вдруг, сразу, обнаруживаются вокруг тебя столько прекрасных явлений, что и подумать прежде было нельзя. Любовь — это мир, или смирение, как достоинство человека, помогающее ему побеждать неуверенность в себе; это дали: луга, леса, поля, реки, белые облака, разноцветные цветы, родники, поющие весёлые песни, жаворонки и соловьи... весь тот уголок земного рая, который Господь иногда показывает и на Земле...»²

Крещёный в детстве в елабужской Покровской церкви, росший в Елабуге с матерью и её родителями, деревенскими бабушкой и дедушкой с их простой крестьянской религиозностью, будущий писатель с малых лет обрёл не обрядовую, а чудесную, как сказка, всепроникающую и естественную, как дыхание, веру. В зрелом возрасте он описал этот навсегда сохранённый в душе райский сад своего детства в «Заповедях добра и света»:

«Едва ли не самое сильное впечатление моего детства — колокольный звон.

1 Романовский С. Т. Гусиный остров. М.: Детская литература, 1971. С. 2.

2 Романовский С. Т. Дневник. Компьютерная машинопись. Запись от 28 марта 1996 г.

На Пасху или на Троицу над моим родным городком Елабугой плывут из самого неба звуки, не выразимые словом.

Пело небо.

Была прекрасная неразгаданность в том, отчего поёт небо, розовое поутру, синее посредине купола в полдень и красное или золотистое вечером. Кто там поёт в небе, где и спрятаться-то негде — ни тучи, ни облачка, только ласточки при ясной погоде?

Звуки падали с неба, где на взгляд никого не было, и всё-таки кто-то там был, ибо звуки где-то были — исходили из синевы, полнили пространство между небом и землёй, и моя бабушка говорила мне, что это поют Ангелы.

Плывёт колокольный звон всех семи церквей прикамского городка Елабуги; и бабушка моя, на коленях у которой я сижу, плачет от радости, и я вместе с ней плачу, и мы оба улыбаемся друг другу.

У нас дома был небольшой сад. Семь яблонь росли в нём. В свой срок ближе к Троице они убирались белым цветом, таким облачно-небесным среди чёрных от дождей строений и земли. И мне казалось, что есть сокрытая зависимость между колокольным звоном и цветением яблонь.

Мне было непонятно, почему яблоне не жалко ронять белые небесные лепестки свои в чёрную жирную землю, пока я не замечал среди зелёных листьев зелёные же начатки яблок.

В августе яблоки наливались румянцем; и звонили колокола на Преображение, на Яблочный Спас. Бабушка несла святить яблоки в церковь и по возвращении давала мне отведать яблочко — первый раз за лето.

— Молодильные яблоки, — говорила она. — Всю жизнь будешь молодым.

И я думал, что у нас дома — райский сад. И я никогда не умру, и никогда не умрёт моя бабушка: ведь яблоки-то — молодильные!..

Поешь их и помолодишься».¹

Романовский был человеком XX столетия — века, который мы до сих пор не осмыслили и не поняли. И чтобы определить место писателя в литературе той эпохи, чтобы прочесть написанное им и расслышать послание, которое он оставил потомкам, его книги нужно принимать не просто как произведения ещё одного детского или ещё одного полузабытого советского писателя, а как высказывания человека, который попытался дать ответы на чудовищные вызовы своего времени.

Светлые рассказы и повести Романовского особенно важны и действенны сейчас, в наши циничные и растленные времена. Тем, кто будет их читать, они помогут сохранить душу и человеческий облик. Как сказал об этом его сын, Андрей Станиславович в предисловии к елабужскому изданию рассказов отца: «...то, что он писал — создавалось для того, чтобы вселить надежду в отчаявшихся, создавалось в расчёте на те времена, когда понятия Истины, Красоты и Добра окажутся поставленными под сомнение, когда нормальная жизнь в нормальной стране станет, казалось бы, совершенно невозможной»².

1 Романовский С. Т. Заповеди добра и света. 1990. Компьютерная машинопись. С. 119.

2 Романовский А. С. Предисловие // Романовский С. Т. Костёр из тальника. Елабуга, 2007. С. 3.